

«На посту», №1(6), 1925.

#_171

Г. Лелевич

О МАРКСИЗМЕ, БОГДАНОВЩИНЕ,
ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ и т. РУМИИ

Пролетарская литература подверглась нападению с новой стороны. К именам товарищей Троцкого, Воронского, Осинского и их довоенного предшественника Потресова прибавилось новое имя - тов. Румия. Сей новый ниспровергатель напостовства совершил свой первый налет, избрав местом своих упражнений третий сборник "Воинствующий материалист". Статья тов. Румия ("Богданов и богдановцы об искусстве") недурна в той своей части, в которой она излагает возражения, делавшиеся против философских построений Богданова Лениным и Плехановым. Статья удовлетворительна в той части, в которой вскрываются отдельные нелепости и натяжки, свойственные богдановскому "искусствоведению". Тов. Румий совершенно правильно поступает, противопоставляя взглядам на искусство Богданова основные положения плехановского искусствоведения. К сожалению, это декларативное противопоставление не сопровождается у тов. Румия пониманием соответствующих положений Плеханова и умением применять эти положения на практике.

Тов. Румий очень метко вскрывает характерную для Богданова методологическую путаницу: "Тут две стороны вопроса сознательно или бессознательно спутываются: одно дело - содержание идеологии, совершенно другое дело - назначение*1 этой идеологии в системе классовой борьбы, в классовом обществе" (стр. 201 - 202).

*1 Всюду, где нет специальной оговорки, курсив автора. Г. Л.

#_172

Совершенно верно, это смешение содержания и назначения той или иной идеологии чрезвычайно характерно не только для Богданова, но и для целого ряда других теоретиков искусства, в частности для большинства теоретиков "Леф'а". Но открывает ли Америку тов. Румий, указывая на это противоречие? Около двух лет назад автор этих строк (который, по утверждению тов. Румия, является одним из руководителей "необогдановцев" и повторяет богдановские зады) писал: "Трюизмом является та истина, что литература, как и искусство вообще, выполняет определенные общественные функции, при чем тут надо различать два момента: происхождение и назначение того или иного литературного течения, той или иной литературной формы. Первый момент заключается в связи между экономическим базисом, всей идеологической надстройкой и определяемой этими двумя факторами литературой. Второй момент определяется так называемым "социальным заказом", теми не всегда

зафиксированными, но всегда реально-ощутимыми требованиями, которые пред'являются художнику классом. Это - марксистская пропись, но ее не мешает повторить, ибо многие товарищи путают эти моменты" ("На литературном посту". стр. 21).

Таким образом, один из "руководителей необогдановцев" давно уже указал на необходимость различать происхождение, причинно-обусловленное содержание и назначение, а вот уловил ли эту разницу сам тов. Румий, ушел ли он в этом отношении вперед от Богданова?

#_173

Посмотрим: "Искусство имеет свои, не продиктованные Богдановым, задачи: оно, как и всякая иная идеология, о т р а ж а е т о б щ е с т в е н н о е б ы т и е" (стр. 225). Итак, отражение бытия является задачей искусства. Не правильнее ли было бы здесь говорить не о задачах, вообще не о цели, не о назначении (ибо всякая задача есть указание на определенную цель), а о причинной обусловленности содержания, о происхождении? Совершенно очевидно, что правильнее! Здесь налицо - смешение вопросов о социальной функции и социальных корнях искусства, т.-е. буквальное повторение методологической ошибки Богданова.

Это неожиданное совпадение ошибок Богданова и тов. Румия не случайно для последнего. Тов. Румий вообще, видимо, не представляет себе никаких иных задач и никакого иного содержания искусства, кроме как "отражение" жизни. Так, на стр. 245 у него буквально попадает фраза: "искусство... есть о т р а ж е н и е*1 жизни"; на стр. 239 он говорит о том, что "нарождается новая литература, о т р а ж а ю щ а я*2 великую войну пролетариата". То, что искусство отражает жизнь, совершенно бесспорно, но это ли главное и в этом ли суть вопроса? Вспомним, что Плеханов в классическом предисловии к "За 20 лет" употребляет несколько иное выражение, он пишет, что "всякая данная "идеология" - стало-быть, также и искусство и так называемая изящная литература - выражает собой стремления и настроения данного общества"*3... Эта известная цитата приводится и в статье тов. Румия, но, как известно, далеко не всегда люди, приводящие цитаты из классиков марксизма, отдают себе отчет в смысле этих цитат. "Выражает стремления и настроения" это - не то же, что "отражает жизнь". "Выражает стремления и настроения" - это значит является активной общественной силой, является орудием борьбы и строительства, а отнюдь не пассивным зеркалом. Таким образом, тов. Румий сначала указывает, что Богданов смешивает содержание и назначение искусства, затем подменяет назначение содержанием,

*1 Курсив мой Г. Л.

*2 То же.

*3 Я не привожу пространного заключения фразы, не относящегося к данному вопросу. Г. Л.

#_174

совершенно отбрасывает вопрос о социальной функции искусства, о его назначении и под прикрытием плехановского имени подменяет плехановское учение об активной общественной роли искусства немарксистским учением об искусстве, как пассивном "отражении" жизни. Операция не столь ловкая, сколь смелая!

С этой основной теоретической ошибкой связаны и вопиющие отступления от марксизма при освещении текущих проблем искусства. Вот характернейшая выдержка: "Великое освободительное движение пролетариата... неминуемо приведет и приводит уже к основательному и коренному перемещению центра интересов искусства" (стр. 239). Эдакая хитро-закрученная фраза! Борьба пролетариата приводит к "перемещению центра интересов искусства". Вот как! Значит, великое освободительное движение пролетариата не приводит к созданию новой классовой психологии, не сопровождается выработкой новых "стремлений и настроений", не меняет в корне самого подхода ко всем явлениям жизни, не диктует необходимости создания нового искусства, "выражающего настроения и стремления" революционного пролетариата? О, нет! Так думают напостовские "необогдановцы", на самом же деле только "перемещается центр интересов искусства", т.-е. художники начинают интересоваться новым явлением, а именно: пролетарской борьбой.

Это, понятно, верно. С тех пор, как рабочее движение стало превращаться в значительную силу, оно начало привлекать к себе внимание художников, - вспомним "Углекопы" Эмиля Золя, "Ткачи" Гергарта Гауптмана, "Молох" Куприна, "Дурные пастыри" Октава Мирбо и мн. др., но разве в этом сейчас дело? Разве только к появлению новых тем в искусстве ведет пролетарская революция? Тов. Румий никогда не дал бы такой формулировки, если бы он остался на почве плехановского искусствоведения и не сводил бы задач искусства к пассивному отражению жизни.

Но чем дальше в лес, тем больше дров. Подарив нам свое глубокомысленное изречение о "перемещении центра интересов искусства", Румий далее поучает, что это "перемещение - в значительной мере процесс автоматический, и класс, который знает законы общественного развития (а пролетариат - единственный класс, который их знает), может со спокойной уверенностью

#_175

н а б л ю д а т ь *1 этот процесс, который не совершается в один прием и который протекает достаточно шероховато", (стр. 239). О, премудрая Пифия! О, новый Дельфийский оракул! Разумеется никто не думает, будто процесс создания нового искусства - дело легкое, будто это создание "совершается в один прием" и протекает без "шероховатостей". Доказывать все это значит ломиться в открытые двери. Но чего стоит эта новая теория "автоматичности" процесса создания нового искусства! Чего стоит этот совет пролетариату заняться "наблюдением" этого автоматического процесса! Наш

блестящий марксист запомнил, что люди сами делают свою историю и подменил диалектику невероятным фатализмом и хвостизмом. Если пролетариат будет пассивно "наблюдать" процессы, происходящие в искусстве, то никакого "автоматического" "перемещения центра интересов искусства" не получится, ибо "автоматически", без активного творчества и борьбы, никакой надстройки не создавалось и не создастся.

Но нашему оракулу и этого мало - он еще более "углубляет" теорию автоматического "перемещения центра интересов искусства". В чем заключается этот процесс? В превращении упадочного искусства обреченного класса в искусство борющегося и побеждающего молодого класса, искусство пессимистическое по преимуществу в искусство оптимистическое" (стр. 240). В подтверждение этой ослепительно новой и оригинальной мысли тов. Румий ссылается на известную мысль Плеханова о том, что современное буржуазное искусство не может не быть упадочным, но что отдельные передовые буржуазные художники неизбежно будут переходить на точку зрения пролетариата. Искусство экзегетики (толкования текстов) искусство иногда полезное, но им надо пользоваться умеючи. Сделать из бесспорной мысли Плеханова вывод, что сейчас мы имеем дело с превращением упадочного искусства буржуазии в искусство борющегося и побеждающего пролетариата, значит... впрочем, я хочу оставаться в парламентских рамках. Тов. Румий, видимо, никогда не усвоит, что новый класс-диктатор неизбежно создает свое новое искусство, пользуясь при этом всем "наследством"

*1 Курсив мой Г. Л.

#_176

и перетягивая частично на свою сторону большее или меньшее количество отдельных представителей старого искусства.

Перепутав все и вся в вопросе о социальном назначении искусства, тов. Румий, естественно, дал не менее блестящее освещение вопроса о литературном и культурном "наследстве": "Овладевать всем культурным здоровым наследством прошлого, овладевать не отдельными группами и кружками, а овладевать всем классом, - это и означает преодолеть эту культуру. То же самое с искусством. В процессе классовой борьбы пролетариата все оптимистическое искусство прошлого - его достояние в области собственного творчества, все формальные достижения старого искусства должны стать его достоянием. Только овладев ими, он сумеет преодолеть их" (стр. 246). Итак, овладеть наследством, это и значит преодолеть его. Овладевать надо не кружками и группами, а всем классом. Только овладев, можно строить свое. Во-первых, что это за механическая постановка вопроса "только овладев, преодолеть"? Сначала будем овладевать, а когда овладеем, поднимемся на следующую ступеньку и начнем преодолевать. На практике процесс происходит совершенно иначе в процессе овладевания совершается преодоление, и в то время, когда происходит овладевание новыми

сторонами "наследства", имеются уже составные элементы своей культуры, являющиеся результатом преодоления других сторон. Во-вторых, бесспорно, что овладевать наследством надо не кружками и группами, а всем классом, но несколько рискованно делать отсюда вывод, что авангарду класса и его различным отрядам нельзя создавать элементы своей новой культуры до тех пор, пока весь класс не овладел старой. Очевидно, - Маркс, Энгельс, Ленин, с точки зрения тов. Румия, заслуживают величайшего упрека за то, что они осмелились выработать новые идеологии пролетариата, не дождавшись, пока весь пролетариат не овладеет культурным "наследством". В самом деле, допустимо ли было создавать диалектический материализм, когда весь класс еще незнаком с Гегелем, Фейербахом и французскими материалистами XVIII века? Хвостизм, как гетевский Мефистофель - Фауста, преследует тов. Румия по пятам.

Но еще интереснее в приведенной цитате утверждение, что овладевать культурным "наследством"

#_177

это и означает преодолеть эту культуру. Открытие поистине потрясающее. Итак, изучить в совершенстве хотя бы философию Гегеля это и значит преодолеть ее, хотя бы изучивший и не стоял на точке зрения диалектического материализма? Но ведь Ленин в своей изумительной речи на 3 С'езде Комсомола, наряду с задачей "точного знания культуры, созданной всем развитием человечества", выдвинул и задачу "переработки ее". Значит, не только знание - овладение, но и переработка! Куда же девалась у тов. Румия эта вторая половина задачи, вторая половина, без которой, собственно говоря, "овладение" наследством сведется к подпадению под влияние этого наследства? Молчать о необходимости переработки "наследства", говорить, что овладение и есть преодоление, - значит стоять на ликвидаторской, не-ленинской, не-марксистской точке зрения.

Тут необходимо остановиться на вопросе о философском "наследстве". Полтора года тому назад я писал: "Диалектический материализм явился результатом всего развития философии. Философия пролетариата не могла бы появиться без предшествующей деятельности Гераклита и Эпикура, Гельвеция и Гольбаха, Фихте и Гегеля, Ла-Метри и Фейербаха, но вместе с тем Маркс и Энгельс не взяли какой-либо из готовых философских систем, а разработали свою систему, причем использованные некоторые элементы старых систем потерпели такое изменение, что превратились в свою противоположность. Выше я уже приводил сравнительную характеристику гегелевской и марксистской диалектики, сделанную Марксом. И в настоящий момент мы можем и должны всячески рекомендовать самое серьезное изучение и французских материалистов XVIII века, и великих немецких идеалистов, и др., но только реакционер или путаник может рекомендовать нам применять методы этих философов прошлого" ("На литературном

посту", стр. 25 - 26). Приведа эту выдержку, тов. Румий разразился такой гневной филиппикой: "Прочитав сие, я усомнился, понимает ли Лелевич, что такое "противоположность", что такое "отрицание", что такое "философия Маркса". Усомнился потому, что все приведенное сплошная наивность" (стр. 243).

Разумеется, апломб - очень высокое качество, но даже самая авторитетная манера выражения

#_178

не избавляет от обязанности подтверждать свое мнение аргументами. И произнеся свой суровый приговор, тов. Румий начинает поучать: "Лелевич думает, что только "реакционер" может советовать "применять методы" французских материалистов и Фейербаха. Но ведь это совсем-совсем ребяческий вздор" (стр. 244). Сильно сказано! Однако тот же тов. Румий в той же статье указывает, что "метафизический материализм... в эпоху после Маркса представлял бы собой пример достойного удивления отсталости" (стр. 216). Диалектика есть метод. Метафизики-материалисты не обладали этим методом. Это признает и сам тов. Румий, который, видимо, первую выдержку писал правой рукой, вторую левой, при чем каждая из рук не информирована о деяниях другой. Вспомним, наконец, что говорил о философском методе материалистов XVIII века человек, которого в богдановщине и в "сплошной наивности" никак не обвинишь, а именно Фридрих Энгельс. Если тов. Румий возьмет "Анти-Дюринг", он прочтет там: "Специфической ограниченностью этого материализма (французского классического материализма Г. Л.) являлась его неспособность представить мир, как процесс, как материю, мыслимую в процессе исторического образования.

Это соответствовало тогдашнему состоянию естествознания и связанному с ним метафизическому, иначе говоря, антидиалектическому методу философствования". Что же, можно сейчас применять этот "антидиалектический метод философствования" или нет? Прав я был, когда говорил, что только реакционер или путаник может сейчас предлагать применять этот метод или нет? Вольно же было тов. Румию возражать против бесспорных положений и тем самым пред'являть, - быть может, и не обоснованные - претензии на звание реакционера или путаника. Сам тов. Румий чувствует, что его позиция непрочна и старается незаметно подменить вопрос о философском методе французских материалистов вопросом о полезности их изучения и призывает к тому, чтобы "учились у старых материалистов тому, как бороться с идеализмом, чтобы учились у них материализму" (стр. 244). О, это дело другое! Но разве с этим кто-нибудь спорит?

Наконец, последний аргумент, который должен был меня повергнуть в прах: "Система Маркса есть "дальнейшая разработка Фейербаховской

#_179

точки зрения", а если Лелевич умудрится из любого подлинно материалистического источника (хотя бы из статей Плеханова) узнать, что система Фейербаха в свою очередь есть "дальнейшая разработка точки зрения французов", то получится жестокий конфуз для Лелевича. В системе Маркса материализм французов и Фейербаха не только не превратился в свое "отрицание", в свою "противоположность", но получил завершение, обогатившись всеми завоеваниями науки" (стр. 244). Опять сильно сказано, но, при всем желании, конфуза не обнаруживаю. Я никогда не имел мало приятного и еще менее полезного намерения доказывать, будто марксизм не является завершением фейербаховского классического французского материализма. Но, может быть, тов. Румий затруднит себя и постарается вспомнить, что история философии есть тоже диалектический процесс, а, если так, является ли диалектический материализм Маркса и Энгельса качественно отличным от фейербаховского и французского классического материализма, или мы имеем дело только с количественной разницей? Вряд ли можно сомневаться в ответе. Очень яркий пример из той же области: Плеханов, как известно, указывал, что эстетика Чернышевского являлась применением фейербаховской философии к вопросам искусства. Сам Плеханов, наоборот, был основоположником марксистского искусствоведения. Является ли искусствоведение Плеханова завершением эстетики Чернышевского? Безусловно! Является ли марксистское искусствоведение Плеханова качественно отличным от просветительской эстетики Чернышевского, является ли оно диалектическим преодолением, т.-е. отрицанием этой просветительской эстетики? Тоже безусловно! Тогда о чем же спор и при чем здесь гневные и мало парламентские эпитеты?

Мы подходим к самым страшным утверждениям т. Румия - к конкретизации оценки напостовства, как "необогдановщины". Тов. Румий приводит известную формулировку пролетарской литературы, данную в платформе группы пролетарских писателей "Октябрь". Эта формулировка гласит, что пролетарской литературой "является литература, которая организует психику и сознание рабочего класса и широких трудящихся масс в сторону конечных задач пролетариата, как переустроителя мира и создателя коммунистического общества". Эта формулировка,

#_180

по мнению тов. Румия, является неопровержимым доказательством богдановского уклона напостовцев. Тов. Румий пишет: "Это убийственно богдановская организационная формула, лишь несколько разведенная современной фразеологией". И дальше он называет точку зрения платформы "почти всеорганизационной точкой зрения" (стр. 242). Между прочим, отмечу, что все обвинения в богдановщине обставлены здесь хотя и небольшими, но все же оговорками - "почти", "несколько разведенная современной фразеологией".

Тщетно, однако, стали бы мы искать каких-нибудь доказательств в пользу такой характеристики платформы. Разве формулировка

платформы содержит в себе хоть какие-нибудь указания на "всеорганизационный" принцип, разве в ней есть хоть намек на понимание мира, как "социально-организованного опыта", разве в ней есть хоть в зачатке мысль об "организационных" поправках к марксистской диалектике? Нет, всего этого нет и в помине, да и не может быть, ибо напостовцы всегда были враждебны богдановской "тектологии". Откуда же цитероновские обличения т. Румия? Как же, в формулировке платформы встречается слово "организация"! Видимо, т. Румий, затрудняясь самостоятельно бороться с богдановщиной по существу (когда нет под рукой подходящей цитаты из Плеханова или Ленина), решил избрать наиболее легкий выход и кричать "караул!" при каждом упоминании слова "организация". Каждому беспристрастному и умеющему понимать прочитанное читателю ясно, что приведенная формулировка платформы "Октября" имеет более чем простой смысл: пролетарское искусство воспитывает, согласовывает, систематизирует, организует психику и сознание читателей в сторону коммунизма. Никакой софист не докажет, что слово "организует" здесь не равнозначно со словом систематизирует, т.-е. с тем словом, которое употребляет в аналогичном случае тов. Бухарин: "Наука систематизирует мысли людей, приводит их в порядок, прочищает их, освобождает их от противоречий, из обрывков знаний, из клочков шьет целые покрывала научных теорий и систем... Искусство... систематизирует... чувства" ("Теория исторического материализма", стр. 215). Что же, это тоже "убийственно богдановская" формулировка? Если бы я хотел прибегнуть к терминологии тов. Румия, я бы должен был здесь употребить

#_181

не мало выражений вроде "совсем, совсем ребяческий вздор".

Столь же убедительны и верны принципам марксизма рассуждения т. Румия о создании новой формы. И здесь т. Румий обращает громады и молнии против заключительного пункта платформы "Октября", который гласит: "Задачей группы является не культивирование форм, существующих в буржуазной литературе или эклектически привнесенных оттуда в пролетарскую, а разработка и выявление новых принципов и типов форм путем практического овладения старыми литературными формами и преобразования их новым классовым пролетарским содержанием, а также путем критического осмысливания богатого опыта прошлого и произведений пролетарской литературы, в результате чего должна создаться новая синтетическая форма пролетарской литературы". Этот пункт подвергнут т. Румием страшнейшему разносу. "Во-первых, - указывает он, - ни "принципы", ни "типы" (!) форм так не вырабатываются каким-нибудь кружком" (стр. 247). А кем вырабатываются новые художественные формы? Быть может, классом в целом? Полагаю, бесспорно, что новые формы вырабатываются литературными практиками, в частности, новые формы пролетарской литературы вырабатываются пролетарскими писателями, одним из отрядов которых

является группа "Октябрь" (кстати, сейчас это платформа всей организованно пролетарской литературы). "Во-вторых, - возражает т. Румий: "узаконением какой-либо формы вопрос о ней не решается". Совершенно верно, но, если память мне не изменяет, в платформе говорится вовсе не об узаконении, а о "практическом овладении старыми литературными формами и преобразовании их новым содержанием". К чему же тратить свои драгоценные силы, сражаться с ветряными мельницами и возражать против вымышленных утверждений?

Еще пикантнее соседнее заявление: "Напостовские поэты только на страницах "На посту" были великими нигилистами, а в своем творчестве у них хватает чувства не ломать себя в угоду рационализму своих вождей... Отрадно то, что истинные поэты, даже среди "напостовцев", идут к преодолению старого через овладение его." Оставив в стороне стиль, спросим только: когда напостовские "вожди" выступали, как "великие нигилисты", и не совпадает ли целиком путь напостовских поэтов

#_182

"к преодолению старого через овладение им" с процитированной формулировкой платформы "Октября"? Тов. Румий выдумывает, якобы, напостовские принципы, а потом удивляется, когда напостовские практики этим фантастическим "принципам" не следуют. Если это занятие доставляет удовольствие т. Румию, я охотно готов примириться с ним, но необходимо помнить, что это занятие является оригинальной забавой, вроде "бильбокэ", а никак не теоретической полемикой.

Среди талантливых рассуждений тов. Румия об этом пункте платформы имеется только одна мысль, которая может быть признана возражением по существу: "Диалектик хорошо знает, что форма развивается развитием содержания, изменяется изменением его, но форма в своем развитии и изменении выявляет и собственную имманентную диалектику". Это, по крайней мере, аргумент. Но дело в том, что имманентное развитие формы есть лишь накопление количественных изменений. Переход количества в качество, создание принципиально новых форм, может иметь место лишь на основе качественного изменения содержания, изменения, в свою очередь социально-обусловленного.

Таким образом, гневные вопли о "богдановщине", о "наивности", о "ребяческом вздоре" и т. д. оказываются милым и своеобразным развлечением. К этой же области относится и патетическая итоговая тирада: "Всякая попытка заменить точку зрения диалектического материализма идеалистической "всеорганизационной" или просто организационной есть антинаучная попытка и прямехонько приводит к извращению, упрощению и непониманию фактов" (стр. 248). Не подлежит никакому сомнению, что вообще заменять чем-нибудь точку зрения диалектического материализма есть антинаучная попытка, приводящая к самым плачевным результатам. В частности, к таким результатам приводит попытка Богданова заменить марксизм

"всеобщей организационной наукой". Но соль румиевской тирады иная. Эта соль заключается в том, что, мол, Богданов заменяет марксизм "всеорганизационной точкой зрения", а напостовцы - "просто организационной". Но зачем же делать секрет из своего интересного открытия, зачем же скрывать от читателей, что такое "просто организационная точка зрения"? Что такое "всеорганизационная" точка зрения, - известно. И выше я уже указывал, что попытки связать эту точку

#_183

зрения со взглядами напостовцев весьма мало плодотворны. Что же такое "просто организационная точка зрения", известно (известно ли?) только Румию. Есть все основания предполагать, что "просто организационная точка зрения" означает употребление в платформе слова "организует". Однако, до тех пор, пока это слово не изгнано из докладов, прений и резолюций на всех партс'ездах и партконференциях, мы считаем возможным его употреблять, хотя испытываем сильнейшее страдание при мысли, как вредно отражается это слово на здоровье т. Румия.

Было бы неестественно, если бы, проявив такие блестящие полемические способности и такое несравненное понимание марксизма в теоретических вопросах, т. Румий изменил себе, перейдя к вопросам литературной политики. Прежде всего оказывается, что Лелевич настаивает не только на "защите своей литературы", но и на "изничтожении не своего" (стр. 241). Это безукоризненное изложение моих затаенных желаний сделано на основании одной моей старой статьи, в которой я писал: "Партия может при помощи критических выступлений в органах печати популяризировать определенные литературные течения, писателей и произведения или, наоборот, бичевать либо замалчивать их" ("На литературном посту", стр. 17). Разве я говорил здесь об "изничтожении не своего"? Я просто указывал сторонникам "нейтралитета" партии в вопросе искусства на необходимость и возможность определенной политики правящей партии по отношению к современной литературе и на некоторые практические способы осуществления этой политики. Вряд-ли можно сомневаться, что клеветнические и порнографические произведения следует бичевать, что бесспорно обывательские и бездарные произведения полезно часто просто замалчивать, ибо не стоит тратить на них энергии, что произведения пролетарские и, вообще, действительно революционные, талантливые и яркие, следует популяризировать, пропагандировать, рекомендовать. Т. Румий проявил в своей статье бездну самобытности и оригинальности и непонятно, зачем ему понадобился еще избитый, истрепанный старый жупел, будто напостовцы хотят "изничтожения не своего". Право, этой сказкой теперь даже младенца не испугаешь.

Не оставив камня на камне от приведенной моей цитаты практического характера, т. Румий

#_184

затем изобличил меня в неумении пользоваться Плехановым: "Все это выведено из того места в статье Плеханова, где он доказывает, что "искусство для жизни" не есть чисто революционное явление, но что и в консервативных, нередко прямо реакционных целях правительства (Николай I, Бонапарт, Наполеон III и т. д.) тоже прибегали к помощи принципа гражданского искусства. Так вот Лелевичу так понравились уроки Николая I (которые Плеханов приводил отнюдь не для того, чтобы их переняли члены революционной партии), что он решил сделать их основой для жестокой литературной дискуссии" (стр. 241). Эти строки повергли меня в самое убийственное настроение. В самом деле, как же это я захотел опереться на практику реакционных правительств, практику, которую Плеханов отнюдь не советовал революционным партиям?! Однако, раскрыв самого Плеханова, я увидел там следующие слова: "В с я к а я д а н н а я п о л и т и ч е с к а я в л а с т ь в с е г д а *1 предпочитает утилитарный взгляд на искусство, разумеется, поскольку она обращает внимание на этот предмет. Да оно и понятно: в ее интересах направить все идеологии на служение тому делу, которому она сама служит" ("Искусство", стр. 141). Значит, Плеханов говорит здесь не о реакционных и консервативных правительствах, а о всяком правительстве? Или, по мнению т. Румия, советская власть не заинтересована в том, чтобы "направить все идеологии на служение тому делу, которому она сама служит?"

Полемизируя с принципами литературной политики партии, предлагающимися напостовцами, т. Румий сравнивает меня грешного с николаевскими душителями литературы, с Ширинским-Шихматовым. Нельзя сказать, чтобы такие сопоставления были очень новы. Меншевицкая печать давно поставила знак равенства между деятелями царистского деспотизма и деятелями пролетарской диктатуры. И если уж на то пошло, то мы готовы быть Ширинскими-Шихматовыми рабочего класса. Я только хотел бы предостеречь т. Румия от этого метода полемики и мышления, ибо, будучи последовательным, он должен будет отвергнуть вообще диктатуру пролетариата, от которой, продолжая его мысль, пахнет Николаем I и Муссолини. В конце концов, сравнивать диктатуру трудящихся

*1 Курсив мой. Г. Л.

#_185

масс, борющихся за уничтожение классов, с диктатурой кучки эксплуататоров, сравнивать их на основании внешнего сходства некоторых приемов принуждения - дело даже для меньшевика сейчас безнадежное. Что же выходит, когда за него берется коммунист?

Все это заставляет целиком согласиться с благородным признанием т. Румия, который пишет: "Нам ни теоретически ни тактически непонятна позиция товарищей из "На посту" (стр. 240). Совершенно верно, наша позиция вам, т. Румий, ни тактически, ни теоретически непонятна. Но, в таком случае, может быть полезно было бы

временно отложить мысль о громовой статье и обратиться к напостовцам за соответствующими раз'яснениями? Правда, ваша статья не внушает особой уверенности в том, что эти раз'яснения были бы усвоены, но попытка - не пытка.

В заключение считаю необходимым остановиться на одном характернейшем приеме т. Румия. В конце своей несравненной статьи он приводит цитату из старой статьи Ленина. Вот эта цитата: "Платформа "Впередовцев" характеризуется тремя следующими особенностями. Во-первых, из всех групп и фракций нашей партии впервые выдвигает она философию и при этом под прикрытием псевдонима. "Пролетарская культура", "пролетарская философия" - вот что стоит в платформе. Скрывается под этим псевдонимом махизм, т.-е. защита философского идеализма под разными соусами эмпириокритицизма, эмпириомонизма и т. д." Приведя эту цитату, т. Румий делает следующий наскок на напостовцев: "Выше отмеченные "ужасные ортодоксы" сейчас являются самыми рьяными защитниками пролетарской культуры, а значит, по справедливому замечанию Ленина, и махизма" (стр. 250). Итак, в толковании т. Румия смысл приведенной цитаты Ленина сводится к тому, что пролетарская культура есть, вообще, псевдоним махизма. Слова Ленина слишком вески и важны, чтобы можно было просто игнорировать "превращение их в свою противоположность".

Заранее можно усомниться в правильности толкования т. Румия, если вспомнить, что Ленин в 1913 г. совершенно недвусмысленно защищал идею классовой культуры пролетариата, а в 1920 г. на с'езде Комсомола самым серьезным образом говорил о способах создания ее.

#_186

Если же мы обратимся к этой же самой статье, которую цитирует т. Румий, т.-е. к статье "Заметки публициста", напечатанной в N 1 "Дискуссионного листка" от 6/19 марта 1910 г., мы увидим там нечто совсем иное. Я принужден привести ряд больших выдержек из этой статьи:

"Пролетарская наука" выглядит здесь (в платформе "впередовцев" Г. Л.) тоже "грустно и некстати". Во-первых, мы з н а е м т е п е р ь т о л ь к о о д н у п р о л е т а р с к у ю н а у к у - м а р к с и з м *1. Авторы платформы почему-то систематически избегают этого единственно-точного термина, ставя везде слова: "научный социализм"... Известно, что на этот последний термин претендуют у нас в России и прямые противники марксизма. Во-вторых, если вставить в платформу задачу развития "пролетарской науки", то надо сказать ясно, какую именно идейную, теоретическую борьбу нашего времени имеют здесь в виду и на чью именно сторону становятся авторы платформы. Молчание об этом есть наивная хитрость, ибо суть дела ясна всякому, кто знает литературу с.-д. 1908 - 1909 г.г... Всем известно, что на деле под "пролетарской философией" имеется в виду именно махизм, - и всякий толковый с.-д. сразу раскроет "новый" псевдоним...

Впрочем, нельзя было бы сказать, что целиком отрицательным является то реальное содержание, которое имеют цитированные слова платформы. За ними кроется и некоторое положительное содержание. Это положительное содержание можно выразить одним словом - М. Горький... М. Горький безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать. Всякая фракция с.-д. партии может законно гордиться принадлежностью к ней Горького, но на этом основании вставлять в платформу "пролетарское искусство" значит выдавать этой платформе свидетельство о бедности, значит сводить свою группу к литераторскому кружку, который изобличает себя сам именно в "авторитарности"... Горький - авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно. Пытаться "использовать" (в идейном, конечно, смысле) этот авторитет для укрепления махизма и отзовизма, значит давать образчик того, как с авторитетами обращаться не следует. В деле

*1 Курсив мой Г. Л.

#_187

пролетарского искусства М. Горький есть громадный плюс, несмотря на его сочувствие махизму и отзовизму. В деле развития с.-д. пролетарского движения платформа, которая обособляет в партии группу отзовистов и махистов, выдвигая в качестве специальной групповой задачи развитие якобы "пролетарского" искусства, есть минус, ибо эта платформа в деятельности крупного авторитета хочет закрепить и использовать как раз то, что составляет его слабую сторону, что входит отрицательной величиной в сумму приносимой пролетариату громадной пользы" (цитирую по хрестоматии Истпарта, том 5-й, стр. 299 - 301).

Следует помнить, что "впередовцы" были одной из политических фракций внутри с.-д. партии. Ленин с ними боролся прежде всего как с политической фракцией, страдающей "детской болезнью левизны", и первое его возражение против платформы этой "левой" фракции было то, что политическая фракция не может делать своей платформой лозунги пролетарской науки, пролетарского искусства и т. д. Приведенная пространная выдержка неоспоримо свидетельствует, что Ленин признавал и ценил пролетарскую науку (марксизм есть пролетарская наука) и пролетарское искусство (Горький, как представитель пролетарского искусства, приносил огромную пользу пролетариату); но тем решительнее Ленин возражал против попытки превратить такую важную и необходимую идею, как идея пролетарской науки и пролетарского искусства, в прикрытие, в псевдоним, для махизма и богостроительства. И когда

#_188

Румий пытается истолковать эти слова в том смысле, что Ленин считал пролетарскую культуру вообще псевдонимом махизма, мы имеем

дело с чудовищным извращением ленинской мысли, с чудовищным передергиванием, с чудовищной спекуляцией на имени гениального учителя.

Нет, положительно тов. Румий выказывает такое же искусство в обращении с ленинскими цитатами, какое в свое время выказал его коллега по журналу тов. В. Ваганян в своей "знаменитой" дискуссионной брошюре об организационно-партийных взглядах Ленина.

Удельный вес нового противника пролетарской литературы и его выступления совершенно ясен. Т.т. Троцкий, Воронский, Осинский и их довоенный предшественник Потресов вряд-ли могут быть рады новому союзнику. Правда, он проявил великолепный апломб и яркое своеобразие мышления, но этот апломб прикрывал собою в лучшем случае удачный подбор классических цитат, в худшем - фатализм, хвостизм, непонимание и искажение мыслей оппонента, непонимание и искажение положений Плеханова, беззастенчивое извращение мысли Ленина, беспомощное обращение с марксистской диалектикой. В смысле критики богдановщины тов. Румий ничего не добавил к тому, что было уже сказано Лениным и Плехановым. Попытка же связать богдановщину с позицией напостовцев или опровергнуть эту последнюю позицию при всей своей резвости даже не пошатнула ни одного кирпича в напостовском здании.